

Цзин Шо спросил:

— Что за вопрос?

Дуань Юньшэнь ответил:

— Сегодня я слышал, что Ваше Величество когда-то лишили жизни невинную мать и ещё не родившегося младшего брата. Я хочу знать, правда ли это.

Цзин Шо: ...

Прямолинейность Дуань Юньшэня была уникальной.

Он мучился этим вопросом весь день.

Он не был святым, но и не был полностью бесчувственным. Слова Цзин И засели у него в голове.

Хотя он и знал, что Цзин Шо — тиран, и видел, как он содрал кожу с Чжан Жуя, который пытался его убить. Но тот Цзин Шо, с которым он общался, был лишь немного странным, но не настолько жестоким.

Хотя с Чжан Жуем поступили жёстко, но тот человек хотел убить Цзин Шо — раз уж он покушался на его жизнь, нельзя же было ответить ему песнями о любви. Содрать кожу и отправить тело хоть и было жестоко, но в итоге Цзин Шо убил только Чжан Жуя, не тронув его семью.

Дуань Юньшэнь хотел узнать, правда ли то, что невольно выдал Цзин И, и если да, то почему.

Цзин Шо, естественно, не ожидал, что Дуань Юньшэнь напрямую спросит его об этом.

Это было невероятно смело — любой другой был бы уже казнён.

Но помимо шока, он испытывал странное чувство.

Если бы обычный человек услышал такую ужасную историю, он бы давно уже отдалился. Почему этот человек рискнул прийти и спросить?

Цзин Шо спросил:

— А что ты будешь делать, узнав правду?

Дуань Юньшэнь: ...

Дуань Юньшэнь ответил:

— Я не знаю, что делать. Я знаю, что не должен спрашивать, но... если не спрошу и просто буду считать Ваше Величество убийцей своей матери... это неправильно, это несправедливо.

Дать человеку шанс объясниться не так уж сложно.

Поверить слухам и возненавидеть кого-то — это не в правилах Дуань Юньшэня.

Он был ленивым, но не без принципов. Хотя его жизнь состояла из лежания и импульсивных

поступков, это не значит, что он был готов плыть по течению.

Тишина повисла в воздухе.

Спустя некоторое время Цзин Шо, улыбаясь, посмотрел на защитный талисман в руке и спокойно сказал:

— Если бы у меня был момент, когда я пожалел о том, что убил свою мать, то это был бы сейчас.

Потому что я не могу сказать тебе, что это неправда.

Это правда, я убил её, видел, как она умирала, её кровь залила пол.

Дуань Юньшэнь замер. Отношение Цзин Шо было настолько спокойным, что это вызывало дрожь.

Особенно эта улыбка, как будто он был доволен и рад.

Он действительно никогда не сожалел об этом.

Дуань Юньшэнь спросил:

— Почему?

Цзин Шо ответил:

— Потому что мне было приятно.

Дуань Юньшэнь: ...

В этот момент Дуань Юньшэнь очень хотел ударить тирана, схватить его за плечи и крикнуть: «Говори нормально!»

Но классовые различия напомнили ему: «Терпи, малыш».

Дуань Юньшэнь спросил:

— Она плохо относилась к Вашему Величеству?

Цзин Шо отвёл взгляд от уродливого талисмана, посмотрел на Дуань Юньшэня, улыбка всё ещё не сходила с его лица:

— Любимая наложница, ты ищешь для меня оправдание?

Дуань Юньшэнь пояснил:

— Нет, я просто слышал о некоторых вещах. Знаю, что в этом мире есть родители, которые не заслуживают звания «родителей». Есть матери, которые предпочитают сыновей и заливают кипящим маслом горло дочери, есть отцы-алкоголики, которые швыряют трёхлетних детей на пол и пинают их...

Цзин Шо резко оборвал:

— Замолчи!

Дуань Юньшэнь: ...

Он сразу же замолчал.

Улыбка Цзин Шо слегка потускнела, его взгляд стал серьёзным, это было и напоминание, и предупреждение:

— Мать действительно погибла от моей руки, но это не значит, что я позволю кому-то оскорблять её. Не сравнивай её с такими людьми.

Дуань Юньшэнь почувствовал себя несправедливо обвинённым.

Он просто задал вопрос и объяснил, почему он его задал, не утверждая, что мать Цзин Шо была такой.

Цзин Шо спокойно сказал:

— Я убил её просто так, без причины, это не связано с ней. Она относилась ко мне очень хорошо.

Дуань Юньшэнь переспросил:

— Просто так?

Разве бывает «просто так»?

Что он скрывает?

Цзин Шо, однако, вовремя сменил тему, улыбаясь, спросил:

— Любимая наложница, ты получила ответ, который хотела. Я действительно убил свою мать, и у меня не было на это причин. Что ты теперь будешь делать?

Дуань Юньшэнь: ...

Хоть я и не самый умный, но ты не можешь считать меня полным дураком!

Выходит, ты ничего мне не сказал!

Но тиран явно не собирался говорить, и Дуань Юньшэнь ничего не мог поделать. Он не мог взять щипцы и вытягивать из него правду.

Да и щипцы бы не помогли.

Дуань Юньшэнь был настолько раздражён, что хотел вырвать себе волосы.

Он застрял.

Он просто хотел узнать, правда ли это. Чувствовал, будто бежал стометровку, чтобы пробить стену, но вместо стены наткнулся на вату. Мягко, не больно, но и стена не разрушена.

Цзин Шо продолжил:

— Если ты хочешь отдалиться от меня, ещё не поздно. Ты спас мне жизнь, и я могу устроить тебе...

Дуань Юньшэнь поднял правую руку, прерывая речь тирана:

— Ваше Величество, подождите, я обдумаю. Дайте мне время.

Его мозг, давно не использовавшийся по назначению, то ленился, то действовал импульсивно, и сейчас ему нужно было время, чтобы включиться.

Он подошёл к Цзин Шо, забрал у него пакет из промасленной бумаги — который сам же и вручил несколько минут назад.

Обняв пакет, он нашёл место, где можно было сесть, и, запихивая пирожные в рот, начал размышлять.

Вопрос: Зачем я сегодня рискнул прийти к тирану и спросить об этом?

Ответ: Я случайно узнал об этом, и это меня беспокоило. Услышанное сильно отличалось от того, что я знал о тиране. Я не хотел верить слухам и ненавидеть невинного человека, поэтому пришёл спросить напрямую.

Вывод: Я хочу узнать, какой он на самом деле.

Вопрос: Я узнал?

Ответ: Нет, он как ракушка — рот на замке. Но, судя по тому, как он относится ко мне после того, как я спас его, разве мог бы человек, жестоко убивший свою мать, так защищать её честь?

И вообще, если бы он действительно был таким, разве стал бы он лучше ко мне относиться только потому, что я спас его?

Вывод: Логически это противоречиво. Здесь явно есть ложь.

Вопрос: Какая из версий кажется мне ложной?

Ответ: ... Не знаю. Я хочу быть объективным, но это сложно. Обычно, когда я ничего не знаю, лучше не иметь предубеждений.

Но...

Дуань Юньшэнь, жуя пирожное, посмотрел на Цзин Шо и заметил, что тот тоже смотрит на него.

Этот тиран действительно красив, как мужская версия Су Дацзи.

Когда их взгляды встретились, Цзин Шо слегка замешкался, видимо, не ожидая, что Дуань Юньшэнь вдруг обернётся, но быстро взял себя в руки.

Цзин Шо смотрел на Дуань Юньшэня бессознательно, его мысли были пусты, он просто наблюдал, как тот, словно хомяк, запихивает еду в рот.

Дуань Юньшэнь проглотил пирожное, встал и подошёл к Цзин Шо:

— Я решил. Ваше Величество, хотите угадать?

Цзин Шо спросил:

— Угадать что?

Дуань Юньшэнь ответил:

— Что я буду делать дальше.

Цзин Шо отказался:

— Не буду.

Дуань Юньшэнь достал из пакета последнее пирожное и поднёс его к губам Цзин Шо.

Цзин Шо смотрел на него, а Дуань Юньшэнь, как и Цзин Шо днём, слегка коснулся пирожным его губ, предлагая открыть рот.

Цзин Шо спросил:

— С древних времён убийцы отцов и матерей были холоднокровными и жестокими. Почему ты ещё не убежал?

Дуань Юньшэнь честно ответил:

— Я бы и убежал, но без Вашего Величества я умру.

Цзин Шо: ...

Цзин Шо сказал:

— Ты спас мне жизнь, и я не против вернуть тебе долг. У меня есть время каждый день приходить и навещать тебя.

Если бы Дуань Юньшэнь только что попал в этот мир, он бы сейчас прыгал от радости.

Тиран явно давал понять, что они будут держаться на расстоянии, и он будет заходить, чтобы продлить жизнь Дуань Юньшэня, а в остальном — никаких обязательств.

<http://bllate.org/book/16211/1455593>